

Монолог первый

Я хочу вам сказать, чтобы вы не смели ругать мой родной город. Не говорите о нем плохо. Вы же ничего о нем не знаете. Мне восемьдесят лет. Думаете, это много, и старушка ничего не понимает? Нет, все понимаю и помню.

Всю жизнь я прожила в единственном городе: родилась, училась в школе, окончила институт, вышла замуж, родила сына и дочь, дождалась внуков. Потом здесь похоронила мужа, а еще раньше родителей и сестру.

С детства для меня наш город самый красивый. У нас такие зеленые бульвары, каких нет нигде: Пушкина, Артёмма, Богдана Хмельницкого. В общем, их у нас много. Зелени столько — улицы в ней утопают. Но главное, первое, что рассказывали раньше гостям: у нас, в шахтерской столице, везде: на бульварах, улицах,

парках — растут розы! У нас же летом тепло — юг, такие кустищи вырастают, огромные.

Миллион жителей — миллион роз. Представьте, целый миллион розовых кустов! Хотя, наверное, представить трудно. Я даже стихи об этих розах писала. Да, иногда я сочиняю стихи. Ну не такие чтоб очень серьезные. Когда преподавала в горном техникуме — шахтеров учила, мы готовили горных мастеров, — писала стихи каждому коллеге ко дню рождения и для коллектива — к праздникам.

Не представляю, как люди переезжают из города в город. В родном месте все дорогое, знакомых пропасть, воспоминания разные. Маленькой папа часто водил меня в центральный парк Шевченко. Мороженое, карусели — ну вы знаете. Шли мы с ним по мосту длинному-длинному через речку, красота вокруг, у берега утки плавают. Он меня за руку крепко держит, а я и не думаю вырываться — с ним рядом идти хорошо, я как взрослая.

Папа у меня такой необыкновенный был, все умел, дом сам построил и даже на пианино сам научился играть. Мне жаль, что не могу сейчас мамину, сестры, мужа могилы посетить. Наверное, там холмики позаросли травой, и оградки некрашенные стоят.

Хотела навестить дорогих моих покойников на Пасху, убрать там да поплакать, пожаловаться им, но не смогла. Не пускают туда. И правильно, там кладбище простреливается, и растяжки, с гранатами такие, ставит кто-то. Мне это объяснили ребята, которые оцепили в праздник кладбище. Они не пускают туда никого, чтоб не пострадали люди. Там, бывало, приедут кого-то хоронить да сами и погибнут. Пришлось мне домой вернуться, а я краску купила, кисточки, пирожки испекла.

Я раньше в церковь не ходила, а сейчас, когда никого родных в городе не осталось, помолюсь, постою на службе, и будто не одна.

У меня сын давно в Москве живет, по работе в молодости перебрался. Там внучка растет. А дочь, как обстрелы начались, в Киев с мужем и сыном уехали. В машину вещи погрузили, какие смогли, и поехали. Ну и я с ними.

Мне восемьдесят лет, жить на квартире у чужих людей — ох как несладко. Не привыкнуть мне уже к чужому месту, не то, что в родном городе, где кругом все знакомое. Через два месяца вернулась домой. Какая мне разница, где умирать и от чего? Мне восемьдесят лет.

Две подруги здесь у меня остались, тоже вдовы. В театр, на концерты ходим, вы не думайте, что если комендантский час, значит, не ходим никуда. И праздники вместе отмечаем. Собираемся у меня, квартира у меня хорошая, двухкомнатная, перед самой войной дети ремонт сделали. Дети и сейчас помогают, деньги, посылки передают. Это одиноким плохо. Соседка у нас есть, совсем одна, так голодала бы, если б люди не помогали. А есть и такие, что голодают.

Думаете, вот какая молодец — ничего не боится. Нет, мне страшно бывает. Еще как. Хорошо, если сразу убьет. А если покалечит? Знаете, как громыхает иногда... Кошмар.

Конечно, боюсь. Когда из дома выхожу, так на соседний дом смотреть боюсь. Там дыра. Дом девятиэтажный, обычный панельный, а в середине второго подъезда дыра — снаряд пробил. А вокруг в соседних квартирах люди живут.

Знаете, мои родители родом с Полтавы, переехали после Отечественной войны, я украинка. Под Полтавой у меня тетки были, умерли уже, а сестры-братья двоюродные остались. Мы раньше туда часто ездили летом, молочка парного попить, а какой хлеб домашний тетки пекли в печке на больших капустных листьях, какие борщи варили. Я вот чувствую, только не подумайте, дорогие, что из ума выжила, ну не должно в меня попасть то, что оттуда, с родной Украины, прилетает и убивает. Не может такого случиться. Бог не попустит!

Начинает бахать, а я давай молиться. И вдруг кажется, что со мной и все мои детки и внучки в опасности. Ничего не могу с собой поделывать, не о себе прошу Бога, а их имена повторяю. Защиты им прошу. Каждый день думаю о своих детях, в сердце они у меня. А его надвое не разделишь. Люблю своих детей.

Никуда я не уеду, в родном городе хочу умереть. Мне восемьдесят лет. Жизнь прожита. Да и где на земле есть еще такой город с миллионом роз?

Монолог второй

Нам очень нужны деньги. Очень-очень. Для себя я бы не попросила и копейки. Но студенты мне как родные. Им учиться нужно. У них вся жизнь впереди. Как же они останутся без образования, без дипломов? Не должны мы их так подвести.

Я всю жизнь в институте английскую филологию преподаю, мне шестьдесят лет, на пенсии, но как студентов бросишь. У меня семьи нет, детей нет. Институт — вся моя жизнь.

Сначала хотя бы два учебных корпуса нужно отремонтировать, чтобы занятия начались. Вы же не знаете, что такое прифронтовой город, как в нем трудно жить. В нашем институте ни одного целого стекла ни в корпусах учебных, ни в общежитиях не осталось. А скоро осень.

У нас в институте бомбоубежище хорошее, в нем не только студенты и преподаватели во время обстрелов укрывались, а и горожане прятались. Люди спаслись, а здания как от снарядов сохранить?

Нам очень деньги нужны. Мы просили всех друзей института. Только не подумайте, что мы сами ничего не делаем. Все преподаватели написали заявления на бесплатные отпуска, на этом институт сэкономил 700 тысяч. На эти средства мы начали ремонт. Но этих денег мало. Нужно восстановить: актовый зал, спортивный зал, крышу над библиотекой, деканат факультета английского языка, кафедры педагогики, практики и фонетики английского языка, романских языков, лекционные аудитории первого и второго корпусов. И общежития восстанавливать придется.

Нам бы окна до октября вставить. Нужно две с половиной тысячи квадратных метров стекол. Помогите нам! Сами не справимся. Я ведь не для себя клянчу эти проклятые деньги. Для себя никогда бы не стала просить. Хотя у меня в квартире, сама живу в Горловке рядом с институтом, нет ни одного стекла, и даже рамы вылетели. Но так у многих в городе. Фронт рядом. Обстрелы были страшные.

Студенты помогли — пока пленку натянули в оконных проемах, ничего, живу. Вы не подумайте, мне не нужно помогать. Вы детям помогите, у нас замечательные ребята, сейчас они завалы разбирают, стекла битые убирают, мусор из зданий выносят.

У нас ведь выдающийся, превосходный институт. Институт иностранных языков в Горловке вся страна знала. Мы суперспециалистов выпускали. Переводчиков высочайшего класса. Обмен студентами был со всей Европой. Нас весь мир знает. Еще в 1949 году наш институт открылся. Научную работу и сейчас ведем.

Друзья стараются нам помочь, благотворительные вечера устраивали во многих городах, где нет войны, поэты стихи читали, музыканты выступали. Мне кажется, что и в вашем городе такой концерт был. Да? Жаль, что в итоге собрали мало денег. Билеты на вечер люди покупали. А вот в ящики для помощи почти ничего не бросали.

Иногда я думаю, как же так, люди слышат, знают, какое у нас тут горе — война. Много говорят умных вещей о прошедших войнах, так правильно рассуждают. Но у нас эта беда происходит теперь, в эту минуту. Это в нашей Горловке погибли восемьдесят детей, не много лет назад — недавно. Неужели вам нас совсем не жалко? Ни капельки? Почему?

Деньги мы все равно соберем. И сделаем остекление. И будем учить наших детей. Никогда не думала, что оконные стекла такая ценность. Без них не сохранить тепло, не провести занятия. Это свет. Но какие они хрупкие. Засвистит снаряд, взорвется с диким грохотом, будто душа из тебя вылетает, миг уши закладывает, земля вокруг гудит, трясется. Вот от нежных стекол только осколки и остаются.

Мне очень неловко просить, но поделитесь с нами деньгами, пожалуйста! Не жалейте, соберите хотя бы по сто рублей. Главное в жизни человечества — это подрастающее поколение. Так ведь считается? Очень мне жаль выпускников, они столько лет учились, в дипломах их будущее.

Сто рублей — это немного. Правда?

Монолог третий

Как же я люблю соленые помидоры. Ничего вкуснее на свете нет. Бывало, каждый год заставляла полный шкаф на кухне трехлитровыми банками с помидорами. У меня рецепт свой, особенный, делаю их в томате с укропчиком, перцем, сельдереем.

Помидоры получаются бесподобно вкусные: в меру кисленькие и немного сладкие, чуть остренькие. Хороши! Мы с подругой могли вместе сразу целую банку съесть.

Но теперь подруга далеко, еще до войны уехала жить в Россию. Повезло. Она замужем. Муж их с дочерью и увез. Мне сорок пять, мужа никогда не было. Когда поняла, что уже ничего не светит, родила себе дочку. Теперь хотя бы она у меня есть.

Мы жили с подругой по соседству в новом районе. Чудесный был у нас район на окраине Донецка — лесок, пруд, луга. Воздух чистый. В центре города, где металлургический комбинат или рядом терриконы, воздух не всегда хороший, да и пыльно. А у нас красота. Особенно когда дочь моя Машенька маленькой была, как же я радовалась. Для прогулок с детишками район идеальный. У нас с подругой дети одногодки, на детской площадке мы с ней и познакомились.

Я так радовалась, когда переехала сюда из Мариуполя. Квартирка у меня здесь небольшая, однокомнатная, но своя. Донецк — областной центр, он мне сразу понравился — ухоженный, чистый, снабжался хорошо. А уж какой красивый. Миллион роз! Наш новый район с аккуратными домами, весь в клумбах с розами, бутоны крупные — красные, белые, желтые. У кого поднялась рука его обстреливать? Что же это за человек такой? Зачем в такую красоту стрелять?

Я бы уехала, кому охота на линии огня жить. Но не к кому ехать, некуда. У меня родных не осталось. Мама недавно умерла от рака, а отца много лет как похоронили. Совсем мы с Машей одни на свете. Дочь в школу пошла, я фармацевт, в аптеке работала, как-то выживали.

Когда обстрелы начались, у кого машины были, те в первые дни уехали. Хорошо, если родственники где-то есть, к ним отправились. А мы с оставшимися соседями от снарядов в подвале ЖЭКа прятались. Собрались женщины, дети, старики. Мужики семьи постарались увезти. А у кого машин нет, мужей нет, тот и остался. Сидели почти все время в темноте. Готовили на плитке туристической. Вместе выжить легче.

Как в квартире жить без света, воды, газа? Да еще на моем седьмом этаже. Пока с ведром воды поднимаешься, на каждой лестничной площадке отдыхаешь. Хорошо, пруд недалеко. Для питья

воду купишь, но ее не хватает, а посуду помыть, себя и ребенка искупать, вот пруд и пригодился.

В подвале жить оказалось легче, чем в квартире. Во-первых, в подвале безопаснее, и не так страшно, да и с людьми проще с домашней работой справиться: кто-то воды принес, другой еду готовит, третий детей помыл, так коммуной и выжили. Свет, газ, вода почти сразу в районе пропали, от первых обстрелов сгорели подстанции, газораспределительные станции. Мы думаем, их специально обстреливали.

Первое время войдешь в свой подъезд — там вонь такая, жуть. Как обстрелы начались, люди самое ценное похватили и уехали. А из холодильников некогда было продукты выбрасывать. Как подстанция сгорела, стали у уехавших соседей пропадать продукты в холодильниках. Свой-то я вычистила...

В подвале, пока обстрелов нет, ничего, сносно, жить можно. Принесли матрасы, столики небольшие, стулья, даже пару кресел, посуды натащили. Но как стрелять начинают, страх такой, боишься, как животное. Если рядом взрыв, прям кричать от страха хочется, а нельзя — дети рядом. Дочь в меня вцепится, аж пальчики у нее белые, плачет, дрожит. А я глажу ее и успокаиваю словами ласковыми. Приговариваю: «Не бойся». А сама боюсь, аж зубы стучат. А маленькие детки пугаются прямо до истерики. Пищат. Рыдают. Матери успокоить не могут. Малыш трех лет у нас там был, как взрыв — писался от страха. Горько так плакал, мать трусики и колготки ему меняет, а сама тоже плачет. Старухи были две — те молитвы читали, а как взрыв, так в два голоса воют: «Господи! За что?!»

После обстрела страшно из подвала наверх выходить. Думаешь, а вдруг в твой дом попали. Какой-никакой, а свой угол единственный. Там вещи все, фотографии, одежда — как этого лишиться, остаться бездомным? Иду из подвала на улицу, а сама думаю — только б не мой дом. Пожалуйста, не мой.

Однажды взорвалось прямо рядом с моим подъездом, воронка глубокая. Я в подъезд зашла, поднимаюсь по лестнице, смотрю: стекла на лестничной площадке валяются — окна по-вылетали. Поднялась к себе на седьмой этаж, квартиру ключом открываю, а самой страшно — что там за дверь? Ключом в за-

мок не могу попасть, руки дрожат. В коридоре и гостиной ничего, все в порядке оказалось, а на кухне стекло треснуло на несколько крупных кусков, но они не выпали, а торчали острыми краями в сторону комнаты. Потом я их осторожно поправила и заклеила трещины лейкопластырем.

А вот помидоры мои любимые погибли. В шкафу все банки до одной разбились. Смотрю, сок красный томатный сочится из-под дверцы шкафа. Распахнула дверцу: осколки стеклянных банок как посыпятся с полок, и красный томатный сок ручьем полился! Лужа на полкухни растеклась. Я оцепенела — стою, смотрю на нее. И так мне жалко мои помидоры, слезы из глаз ручьем сами полились. С продуктами и так плохо стало, а тут столько закрутки пропало. Да еще помидоры...

Осколки острые выбираю из лужи, а сама рыдаю. Мысли страшные в голову лезут, вот так попадет снаряд в подвал, и мы с дочей вдребезги. Много ли нам с ней надо? Бах! И нет нас.... Убрала на кухне по-быстрому и бегом к Машеньке в подвал.

Повезло нам. Живы. Я ведь тогда не знала, как много людей в те дни погибли. С девочкой вместе работали в аптеке, дочь ее, восемь лет всего, во дворе дома играла, снарядом накрыло, погибла. У знакомой муж телефон в машине забыл, побежал забрать и вместе с машиной сгорел.

У нас теперь так — никто своего завтра не знает...

Монолог четвертый

За собой нужно следить, какие бы времена не были. Уход за лицом каждый день — это обязательно! А уж косметика для женщины вообще нужна непременно. Короче, ухоженная женщина всегда привлекательна. Мне сорок лет. А все думают, что тридцать. Я слежу за собой, потому всегда нравилась мужчинам. И не только мужу.

Муж меня очень любит, так меня добивался, так красиво ухаживал. И сейчас балует, на руках носит. Бывает, что и поругаемся, но не часто. Очень я жалела до войны, что детей у нас нет, а сейчас думаю, это хорошо. Под обстрелами с детишками несладко.

Живем мы с мужем в частном доме, хотя и в областном городе. Место очень удобное — это несколько кварталов малоэтажной застройки между Донецком и Макеевкой. В доме все удобства, и газ давно провели. Ванную комнату сделали большую, каких в квартирах не бывает. Недавно террасу пристроили к дому. Теперь на улице летом ужинаем или с гостями сидим. Вокруг террасы виноград посадили — Изабеллу и Лидию. Осенью кушаем виноград, и даже вино свое делаем. В частном доме жить удобно. У меня сад, не только яблоки, груши, черешня, сливы, даже персики есть. Не крупные персики, но сладкие.

Когда блокада началась, и обстреливать стали, цены подскочили. Особенно на продукты. А нам хоть бы что. Вы не подумайте, я не белоручка, у меня огород — засмотришься! У нас все свое — огурцы, помидоры, кабачки, перец, капуста, зелень любая, все на грядках есть. Да что там, мы даже кур и уток завели. При таких ценах в войну, когда своя еда есть, намного легче жить.

По образованию я химик, в НИИ работала, в отделе скукотища — одни бабы. Только кому сейчас химики нужны? НИИ прикрыли. Да и вообще в городе с работой плохо стало. Заводы и шахты позакрывали. А как без зарплаты прожить? Муж меня устроил работать завхозом в одну контору. Ничего, я быстро привыкла, дело нехитрое. Начальство попало понимающее, если сильный обстрел, разрешают даже несколько дней не приходиться.

Мы с мужем подвал оборудовали. Прямо роскошно там все сделали, со спальными местами. Очень люблю, чтобы все красиво было, чтоб занавески с рюшечками, статуэтки, коврики. У меня по всему дому отменный порядок.

Первое время, как снаряд рванет недалеко, так мы пулей в подвал. А потом начали привыкать. Если стреляют изредка, надоедает сидеть в подполье без дела. Конечно, нужно быть осторожным. Бывает и неожиданно прилетают снаряды. И захочешь — не успеешь спрятаться в подвале. Главное, быстро подальше отбежать от окон, осколки очень опасные.

Сейчас скажу главное, а вы на всякий случай запомните. Самое надежное место во время обстрела — это дверь в несущей стене в глубине дома. Становишься в дверном проеме, или можешь присесть. Замираешь и ждешь. Важно дожидаться, пока обстрел

не закончится, не нужно думать, что прилетело несколько снарядов и все. Тут самое опасное – запаниковать, если метаться начнешь, из дома выбежишь, от любого взрыва по соседству может осколок достать. Сиди тихо в дверном проеме, жди, пока тишина установится. Так безопаснее всего. На себе много раз проверено...

Первый раз, когда улицу нашу обстреливали, видели бы вы, как мы с мужем паниковали. Взрывы недалеко гремят, а мы по дому бегаем, вещи хватаем и документы. Я психую, ору не своим голосом. А как рядом взрыв бухнул, мы с мужем из дома выскочили во двор. И тут снова недалеко взрыв. Мы бегом за ворота.

У нас улица дружная, соседи хорошие, все друг друга знают. Смотрим, соседи тоже повыбежали из домов, мечутся. Многие плачут, бегают туда-сюда, не знают, что делать, куда детей прятать. Тут у всех на глазах в один из домов, Наташки-соседки, через два от нашего, снаряд попадает. Бах! Дом горит. Люди орут, что тушить пожар надо. Кто-то за ведрами побежал. А куда там тушить — дом сторел, как спичка. Огонь из окон, крыша с грохотом обвалилась. Отошли подальше — жар от него пышет. Наташа так в одном халате на улице и осталась. Она даже не заплакала, как мертвая была. Ее бабушка одинокая, другая соседка, к себе забрала.

На следующий день рано утром улица опустела, соседи бегом загрузили машины, попрыгали в них и разъехались кто куда. У кого дети, те все уехали. Только в нескольких домах люди остались.

На какое-то время стихли обстрелы, мы успокоились. Они постреляют — обычно ночью — мы в подвале переночуем, а с утра работа, домашние дела. Так, бывает, устанешь, что только редкие выстрелы тебя и разбудят. И вдруг, не знаю, что там у них случилось, только в одну из ночей бить стали прицельно по нашей улице, кучно — один снаряд за другим. В подвале все гудит, трясется, и тут мы с мужем дрогнули... Выбежали на улицу, а там не описать, что творится. Восемь домов, как свечи пылают. В огне что-то стреляет, искры сыпятся, и куски чего-то вылетают из пламени. Не дай Бог такое увидеть! Восемь костров, жарко нестерпимо, хоть осень и я в одной пижаме и ботах на босу ногу.

Соседний дом догорает, у него крыша обвалилась. Соседний дом от нашего далеко, но смотрим, а угол нашего дома начал дымиться. Хорошо, мы у сарая бассейн небольшой выкопали,

до войны летом в нем купались, а теперь утки в нем плавают. Быстро хватаем ведра и давай водой стену нашего дома, ту, что рядом с соседским участком, поливать. Два часа с ведрами бегали. Потушили. Спасли дом.

Никто не погиб, в пустые дома снаряды попали, повезло. Гарью долго тянуло со всех сторон, пока снег не выпал, а может, мы к ней со временем привыкли. У нас теперь половина стен дома закопченные.

Соседи наши, которые теперь живут неизвестно где, наверное, мечтают вернуться. Надоели, наверное, родственникам. Вспоминают свои дома. Скучают. А не знают, что их дома уже давно сгорели. Теперь им здесь жить негде, некуда возвращаться, здесь у них только пепелище осталось. Не сообщишь им никак. А может, не нужно им ничего знать....

Иногда я думаю, ну как же так все могло случиться? Можно ли было сделать так, чтобы осталось все по-старому, был мир? Или это уже было невозможно. Ведь долго молчали. Терпели. Школы русские закрывали, русский язык запрещали — в институтах, на радио, телевидении, в документах, а все молчали. На соседней улице школа была, русская. 1 сентября, праздник, дети в красивой одежде, родственников полный двор. Дети поют, танцуют, директор всех поздравляет. На фасаде плакат: «Добро пожаловать!» И тут трое взбираются на сцену, вырывают у директора из рук микрофон. Требуют убрать плакат на русском языке. Дескать, плакат по закону может быть только на государственном языке. И все, кто стояли во дворе, промолчали. Никто этим троим не дал отпора. Полный двор людей, но никто не ответил. Дали этим троим сорвать плакат. Молчуны. Думаете, эта история перед войной была? Нет! В 97-м году. Дотерпелись.

Устала очень. Эта война кого хочешь изматывает. Усталость такая накопилась, что сил никаких нет. Так я обычно веселая, хорошие компании люблю. Раньше каждые выходные, когда тепло, шашлык во дворе с друзьями, после полуночи расходились. А тут начали нервы сдавать, выхожу из себя без повода, кричу на мужа, он тоже не смолчит, ругаемся. Решил он меня в гости к родственникам в Белоруссию отправить. Говорит, отдохнешь, выплывешь в тишине, купишь себе что-нибудь новое из одежды.

Меня родственники от всей души принимали, старались порадовать. Хоть к ним оказалось трудно попасть, ехала долго — через блокпосты украинские, где очереди дикие, обыски. Пока пропуск для проезда оформили, столько натерпелась, что несколько раз думала плюнуть на эту поездку. Но она того стоила. Тишина, покой, драники, грибы, сало домашнее, баня. Думала, вот оно счастье, отдохну от войны. Родственники так трогательно меня жалели, старались все желания выполнять.

У них в городе собрался фестиваль, большой праздник. На улицах людей тьма. Я платье новое надела, туфли на шпильке, прическа классная — перья такие светлые на голове, в парикмахерской мастер уговорила сделать, отлично получилось. Маникюр, педикюр. Вышли мы на площадь, на сцене поют, люди вокруг кричат, радуются, а я сознание теряю от страха. У меня паника. Боюсь. Не могу выбросить из головы, что когда людей много — опасно. Ноги подкашиваются, задыхаюсь. Прошу их: давайте домой пойдём! Быстрее домой! А они не понимают, что со мной... Мороженое предлагают, потанцевать. Праздник, а я не могу расслабиться, хочется спрятаться. Где много людей, туда могут стрелять.

Думала, что отдохну от войны. А в конце уже и по улицам боялась ходить. Вроде бы и понимаю все, а боюсь...

Монолог пятый

Мой муж — человек потрясающий, настоящий мужик, таких в наше время поискать. Я намного моложе, мне всего тридцать три года, рано замуж выскочила. А у него это был второй брак.

Мы из поселка — пригород Донецка. Считаю, деревенские жители. Крепкое хозяйство у нас было: корова, поросята, куры, гуси, индюки. Яйца продавали. Огород 20 соток. Сад. Все свое. У мужа руки золотые, любой транспорт мог починить. Лучший автомеханик в округе. У него своя автомастерская была. Люди в очередь записывались.

Жили мы душа в душу, никогда не сорились. Он спокойный, из себя не выйдет. Все проблемы на себя возьмет. А если я злиться начинаю, он так все повернет, что своей уверенностью

успокоит, и не замечу, как забуду, что меня расстроило. Настоящий мужик. За таким замужем — как за стеной.

А уж к детям он со всей душой. И приласкает, и помянчит, если надо, помоеет и покормит. Дочке старшей Катюше всегда с математикой помогал. Как бы занят не был, а для детей время найдет. Такого отца поискать.

Перед войной у нас уже двое детей было. Дочери Кате десять лет и сыночку Захарчику два годика. Малыш веселый, шустрый такой, не поймашь, говорить начинал. Смешной. Доченькой Катей мы гордились. Она у нас круглая отличница, лучшая в классе, в лицее училась, иностранные языки изучала, пела, танцевала, умная, послушная, и в воскресной школе в церкви занималась. Необыкновенный ребенок.

Для нас война началась в июне четырнадцатого года. В пять утра мы с мужем проснулись от того, что над домом низко-низко кружил самолет. Долго летал, над всем поселком, мы сначала не поняли, что ему надо, почему не улетает, а потом вдруг он две бомбы сбросил, в километрах двух от нашего дома. Не могу описать, как нам стало страшно. Сначала мы растерялись, испугались, не знали, что делать. А потом одежду, вещи в машину побросали, схватили документы, деньги — все ценное, детей прямо спящих на сидение положили, дом закрыли. И уехали в Крым.

Комнату сняли, муж неделю с нами пожил. Долго думал, что делать дальше. Дома ведь хозяйство. Мы когда уехали, родные стали за животными смотреть. А дальше что? Работы в Крыму нет, денег с собой немного. Кому мы нужны?

Мы ведь ничего в политике не понимаем. Нам телевизор смотреть некогда. Хозяйство, дети, муж с утра до вечера на работе. Мне приготовить на всех, убрать, постирать. Когда в Киеве что-то началось, мы подумали, что очередная оранжевая смута. Решили, что помитингуют и успокоятся. Ни на какие демонстрации и голосования не ходили, у нас времени не хватало.

В общем, муж нас в Крыму оставил, а сам домой вернулся. Закрутился один, бедный, — работа, домашнее хозяйство, огород. Я в Крыму с детьми еще четыре месяца жила. А потом выяснилось, что я беременная. Значит, сама работать в ближайшее время не смогу. Деньги стали заканчиваться, а у меня двое детей

на руках и один внутри. На что в Крыму жить? Да и там неспокойно, с водой и светом проблемы.

Посоветовались мы с мужем, и решили, что нужно мне с детьми тоже возвращаться. Будем все вместе. И муж истосковался. Приехал, забрал нас. Когда первые соглашения в Минске подписали, мы прямо воспряли духом, надеялись, что война уже позади. Оно, и правда, первые два месяца все тихо было. Катенька снова в школу ходила. Мы радовались! Все вокруг радовались...

А потом совсем плохо стало. Постоянные обстрелы начались. Детям в лицее выдали бейджики с именами, чтобы в случае чего можно было их тела опознать. Только дочь в школу отвезем — звонят, обстрел — забирайте детей. Ночью тоже постоянные обстрелы. Зима пришла, а у нас своего погреба нет, к соседям бегали в их подвал прятаться. Ночь, темнотища, холод, сонных детей одеваешь и тащишь через огород по снегу к соседям. Всю зиму дети у меня болели — из теплой кровати да на морозную улицу. Сразу сопли, бронхит. А я-то беременная. Всю беременность по подвалам.

Как обстрел, так от взрывной волны то форточку в доме вынесет, то деревья осколками посечет, а однажды люстра упала. Когда лето наступило, как-то легче стало. Тепло. Зелень первая пошла. Огород посадили. Цыплят купили. Тут время пришло мне рожать. Девочку родила. Хорошенькую, крохотную, счастье такое. Так время и пошло: эти стреляют, а мы живем.

Катюша в школе на отлично год окончила. У нее летние каникулы начинались. На одиннадцатилетие мы с мужем ей планшет подарили. Она так радовалась. Прямо влюбилась в планшет, не оторвать.

Я тот день помню ярко, будто вчера был. С утра мы с мужем в огороде возились, поливали грядки. Я цыплят в клетках на улицу вынесла — проветриться. Маленький Захарчик у клеток крутился, все пытался цыплят потрогать. Катя где-то в доме с планшетом играла, она его просто из рук не выпускала. Маленькая заснула после кормления. С утра над поселком, беспилотник кружил. Низко так. Высматривал что-то. Почти час летал. Я на телефоне в группе посмотрела — у нас в поселке есть специальная группа в интернете, чтоб друг друга предупреждать, если опасность, — но никто ничего плохого не написал. Вроде, тихо было в округе.

А потом неожиданно и прямо рядом с нашим домом начали падать снаряды. Бах! Бах!! Бах!!! Муж сына схватил и в дом с ним забежал. А я клетки с цыплятами сгребла и тоже в дом с ними понеслась. В тот момент, как я в прихожую вбежала, в дом влетел снаряд. Как муж успел.... Каким-то чудом смог вытолкнуть меня на улицу перед самым взрывом. Меня вытолкнул, а его завалило.

На какое-то время я потеряла сознание. Очнулась от крика сына. Кричит мой Захарчик где-то под завалами. А я сразу не могла выбраться из-под железной входной двери. Кое-как выкарабкалась, в голове гудит. Иду на голос сыночка, посмотрела влево, а там муж мертвый лежит без рук, без ног, одно туловище, кругом кровь. А сынок Захарчик хрипит, захлебывается, задыхается где-то под слоем кирпичей и штукатурки. Я вся в крови, но боли не чувствую, только понимаю, что одной рукой обломки разгребаю. Главная мысль стучит в голове — сынок может под завалом задохнуться, нужно спешить. Боли не чувствую, только на левую руку вскользь посмотрела, а она оторвана — на коже висит. Кругом вещи валяются, все пыльное. Колготками сына руку перевязала, как смогла, одной рукой, и дальше копаю.

Достала сына. А он плачет, глаза открыть не может, оказалось, ему роговицу обожгло. Вижу, что он кричит, а слышу его голос глухо. Потом сказали, у меня в левом ухе барабанная перепонка повредилась. Обнимаю малыша, а у него на спинке кровь — осколок его зацепил. А тут прилетел еще один снаряд, за холодильником взорвался. Я упала, сына собой прикрыла. Вскоре соседи прибежали, я им Захарчика отдала, а сама в комнату побежала к кровати, где маленькую оставила. А кровать тоже завалило. Сердце бьется, из груди выскакивает — что с малышкой?! Тогда крохе всего две недели было. Откопала, смотрю, жива, только личико и ручки все посечены, порезаны. Отдала ее соседке. Потом к Кате в комнату метнулась. А она в коридоре на пороге лежит... половина тела... разорвало ее. Я сейчас, простите... Не могу говорить, отдышусь... Не могу... Кажется, слезы все уже давно выплакала. Вспомню тот день — сердце останавливается. Такая девочка необыкновенная была, солнышко наше...

Когда обстрел закончился, приехала «скорая», меня с двумя детьми отправили в больницу. Оказалось, что у меня множественные переломы, а левую руку сразу ампутировали.

На похороны мужа и дочери меня привезли в инвалидной коляске. Мне так хотелось с ними проститься, последний раз посмотреть на них. На их лица. Хотя бы на секунду увидеть. Но обоих хоронили в закрытых гробах. Не разрешили открывать.

Вы поймите меня, я не могу там больше жить. Я не железная. Люблю свой поселок и наш Донецк, нашу шахтерскую столицу — город миллиона роз. Приезжаю иногда на родину. В День победы, 9 мая, шла по Донецку с другими матерями в Бессмертном полку, но мы несем не портреты ветеранов, а фотографии наших погибших детей, я — Кати.

Мне очень трудно вылечить сына, Захарчику инвалидность поставили, зрение у него восстановилось, но он до сих пор заикается, плачет и кричит по ночам. Диагноз «аутизм» ему ставят, как последствие шока и контузии. Я больше никогда в наши края жить не вернусь. Не могу. Это выше моих сил. Я без руки. Инвалид. А мне двух детей нужно вырастить. Я операционная медсестра, восемь лет в больнице городской работала. С одной рукой какой из меня медик? Как мне теперь детей кормить?

Думаете, я только вам рассказываю о себе? Нет. Выступаю везде, где соглашаются слушать. Рву себе душу. Но должны же люди почувствовать, что этот ужас нужно остановить. Я хочу понять: кто-то может эту войну прекратить? Неужели всем безразлично, что вот так, как моя Катя, дети гибнут? Как же так, мы же люди...

Теперь моя левая рука — это протез. Хороший. Очень дорогой. Сейчас лучше протезов не делают, чудо западной техники. Итальянцы подарили. И поставили его бесплатно. Отличный протез, нервные импульсы чувствует, почти как настоящая рука.

Я у них в Европе много раз выступала в разных странах. В организациях всяких. Они меня внимательно слушают. В залах гробовая тишина. Кроме своей истории я им ничего не рассказываю. Катю вспоминаю, мужа... Иногда фотографии им наши семейные показываю. И любимую фотографию Кати — в школьной форме с белыми бантами и букетом цветов.